29. См. напр.: *Астырев Н.М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896.

30. См. напр.: *Кротков В.С.* Волчье стадо. Записки провинциального адвоката. М., 1876; *Назарьев В.Н.* Современная глушь. Из воспоминаний мирового судьи // Вестник Европы. 1872. № 3. С. 148 –172.

31. ГАРО. Фонд 98, опись 1 часть 1; фонд 213, опись 1; ЦГИА СПб. Фонд 190; Революция в деревне в 1917 г. Из писем крестьян. М., 1927; Письма во власть. 1917 – 1927 гг. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям // Сост. *А.Я. Лившин, И.Б. Орлов.* М., 1998.

32. См. напр.: Труды Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1903 – 1904. Т. 1–6; Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. 1 – 3.

33. См. напр.: РГИА. Фонд 1317 (материалы Кахановской комиссии), ГАРФ. Фонд 586 (В.К. Плеве). Оп.1. Д.104, 105, 126, 127, 128, 135.

34. См. напр.: Сборник решений Правительствующего Сената по крестьянским делам. СПб., 1889; Сборник решений Правительствующего Сената по крестьянским делам. 1890 – 1898. Составитель Данилов И. СПб., 1898.

35. *Якушкин Е.И.* Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1 – 3. Ярославль, 1875.

36. См. напр.: Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро князя *В.Н. Тенишева*». Т.1. Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.

УДК 340.15

Исмаилов М.А.,
Багомедова Л.С.

ИНСТИТУТЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: КРОВНАЯ МЕСТЬ - МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ И ПРИНЦИП РЕАЛИЗАЦИИ

В данной статье рассмотрены особенности эволюция институтов обычного права народов Дагестана во второй половине XIX в. В указанный период обычное право Дагестана было подвергнуто существенным изменениям. Это касалось в том числе и систем наказаний. На этот процесс большое влияние оказало имперское законодательство, в результате чего нормативно-правовая культура приобретает полностью другой вид.

In the article description is given evolution of ordinary right for Daghestan in the second half of XIX в. In this period an ordinary right for the people of Daghestan was exposed to the substantial evolution. It touched including systems of punishments. On this process substantial influence rendered an imperial legislation. That became the result of this process that a normatively-legal culture acquires a completely another kind.

Ключевые слова*: Дагестан, ислам, землевладение, источник, обычное право, право, наказание, эволюция, нормы обычного права.*

Keywords: *Daghestan, islam, landownership, ource, is an ordinary right, Punishment, evolution, norms of ordinary right.*

Дагестан – это регион, который характеризуется необычайным разнообразием не только природно-географического (от тропических лиановых лесов – бассейн реки Самур – до ледников Западного Дагестана), но также этнического и конфессионального состава. Это явно выражено в повседневном быту и в нормативно-правовой культуре. Наличие пестрого этнического состава (более 36 народностей, 112 диалектов и т.д.) должно было проявится и в правилах повседневной жизнедеятельности, но,

что интересно, за исключением некоторых моментов, адаты идентичны. Два известных исследователя нормативно-правовой культуры, языка и быта народов Дагестана также обратили внимание на эту особенность. М.М. Ковалевский, посвятивший немало лет изучению правового наследия народов Дагестана, писал: «Пестрота этнографического состава невольно вызывает в нас предположение, что и юридические обычаи, которым следуют горцы, должны отличаться большим разнообразием. Сравнительное изучение приводит, однако, к совершенно противоположному выводу. Вместо нескольких, мы имеем перед собой только одну юридическую систему…» [1, с. 9]. И уже более категорично: «Я считаю также более или менее установленным то общее положение, что, несмотря на пестроту племенного состава и разнообразия языков, жители Дагестана придерживаются более или менее одинаковых начал права..». Наличие у горцев Дагестана единой системы права М.М. Ковалевский объясняет их общими историческими условиями развития и повсеместным господством среди горцев «родовой организации – тухума, – вызвавшей появление у них целого ряда обычаев и обрядов: кровной мести и родового возмездия, соприсяжничества родственников на суде, серьезных ограничений разделов и отчуждения, исключения женщин из наследования или меньшего против мужчин участия их в нем» и т.п. [2, с. 140].

Возникает вопрос о сборниках адатов сельских обществ и феодальных владетелей Дагестана.

Сборники адатов профессионально изучил и опубликовал профессор Ф.И. Леонтович, в частности, он заметил, что «из древнейших сборников дагестанских адатов нам известны в настоящее время четыре памятника:

Сборник адатов аварского народа, составленный в XI в. (хиджры. – авт.) Омар-ханом (Умма-ханом) Аварским;

Сборник адатов Кайтаха XII в. Он составлен местным уцмием Рустам-ханом;

Сборник Кайтагских адатов, XVI в. (составитель Кайтагский уцмий Ахмет, сын уцмия Гасан – Али);

Бежидские адаты».

Далее он отмечал: «Есть основание думать, что собственно «перевод» адатов Бежидского округа составлен в новое время (чуть ли не в 60-х годах) в виде извлечения из нескольких древних арабских сборников, бывших исстари в употреблении в отдельных «наибствах» округа и сведенных в нашем «переводе» в один общий сборник» [3].

Тут надо уточнить: датировка «Сборника адатов аварского народа, составленного в XI в. Омар-ханом (Умма-ханом) Аварским» (ныне этот памятник права известен как Кодекс Умма-хана Аварского Справедливого) [4], дана Леонтовичем по мусульманскому летоисчилению (хиджры. – Авт.) XI в.

Эти памятники дошли до нас в записи аджамом, т.е. на дагестанских языках, но в арабской графике.

Безусловно, с утверждением ислама существенно меняются многие нормы, но в основном шариат стал регулировать вопросы гражданско-правовых, а адат уголовно-правовых отношений. Формируется система, известная как биюридизм. Конечно, шариат мягко адаптировался к адату, но в то же время ислам, в целом арабская культура дали возможность письменной фиксации и появления разных интситутов, в том числе и института кадия, который взял на себя определенные функции старейшин, в основном медиаторские.

Во многих указанных сводах появились статьи, предусматривающие наказание за нарушение религиозных предписаний и правовых установлений шариата. В обычном праве народов Дагестана наиболее четко представлены следующие институты: кровная месть, маслиат (примирение), ишкиль-захват имущества должника и соприсягатели. Институт кровной месть-канлыят (от канлы – кровник) представлен во всех сборниках, как сельских обществ, так и феодальных владетелей. Сведения о том, как разбирали дела и каков правовой казус, мы находим в наблюдениях одного из представителей местной интеллигенции, отраженных в записках гимназиста.

Институт кадия был представлен также при разбирательстве дел, связанных с кровной местью. Так, Х-М. Амиров рассказывает, как в день суда в диван-хане он присутствовал на судебном разбирательстве одного дела. Он пишет: «С божьего благословления и божьей милости обращаюсь к кади и джамаату. В благословенном 1288 (хиджры. – Авт.). Я нашел у своего дома убитого человека из нашего аула. Меня обвинили в убийстве, хотя это ничем не было доказано; но 40 родственников убитого поклялись на Коране в том, что, кроме меня, это убийство совершить было некому. Я был осужден как убийца и объявлен канлы на 15 лет [5]. Помимо всего это-

го, я должен был отдать родственникам убитого (да упокой Аллах его душу!) трехгодовалого осла и заплатить штраф. Но в прошлом году житель нашего аула заявил, что я не виновен в этом убийстве. Поэтому я прошу высокочтимого джамаата позволить мне вернуться. Да ниспошлет на вас аллах счастье и благополучие. Аминь».

Кади вынес эту просьбу на обсуждение присутствующих. «Мы должны следовать адату», – заявил один из судей. – «Наш адат не позволяет удовлетворить такую просьбу. Тот, кого обвинили как убийцу и канлы, поклявшись на Коране, не может быть оправдан, и просьбу его удовлетворить нельзя. Противное этому решение могло бы быть тяжким грехом. Дело бы выглядело так, будто можно поклясться на Коране, не убедившись в своей правоте». По его просьбе кади вслух зачитал следующее: «Тот, на кого однажды 40 родственников укажут как на канлы [6] и подкрепят свои слова клятвой, считается убийцей и в качестве такового изгоняется из аула и остается в ссылке до истечения своего срока, если даже впоследствии и выяснится, что он не является убийцей. Если однажды произнесена такая клятва, то никакое показание свидетелей, никакое признание действительного убийцы не имеет больше силы, но, однако, последний, предосторожности ради, ссылается как канлы». Дальнейшее ведение этого дела мы можем на этом прервать; просьба не была удовлетворена; лишь один из присутствующих подчеркнул необходимость изменения некоторых адатов. Этот взятый из жизни случай является очень характерным. Интересно, что это не было единоличное решение, а принято оно было в результате обсуждения данного случая.

Дальше автор вопрошает: «Но мы неправильно выразились: вопрос, задаваемый дагестанцу, гласит не «кто виновен?», а «кто должен искупить вину?» «С кого удержать мне возмещение убытков?». Конечно, не нужно дело понимать так, что, если не обнаружен действительный убийца, – а такие случаи часты, хотя и не повсеместны, – то необходимо хоть кого-нибудь обвинить в подобном преступлении; подобный произвол всегда ограничивается клятвой обвинения и соответственно клятвой очищения, и все же в подобном деле не пытаются удовлетворить абстрактную потребность в справедливости или просто чувство мести, а ищут того, с которого можно было бы потребовать возмещение причиненного ущерба в материальном и моральном отношении, а именно – в уважении и почете. Здесь может быть место сомнительному подозрению, и это так глубоко заложено в человеческой натуре, что, вероятно, нет необходимости в дальнейших обоснованиях.

До тех пор, пока кровная месть остается в полной силе, т.е. не суживается возможностью композиции или откупом, мстящий союз держится, как известно, отнюдь не за собственно убийцу, а за более или менее обширный союз, семью, клан, род, к которому убийца принадлежит.

Чаще всего убийца скрывается; мстящая семья или клан убивает таким образом любого члена провинившейся семьи и собственно клана. Но если композиция возможна лишь однажды, то речь прежде всего будет идти о том, чтобы вообще предоставить возможность виновному и соответственно его союзу вступить в переговоры с потерпевшей ущерб стороной; к тому же виновная сторона постоянно должна опасаться кровной мести [7].

Эту опасность ослабляет то обстоятельство, что убийца, часто вместе со всей семьей, уезжает из данного селения; этот выезд является ссылкой на продолжительный срок, и преждевременное возвращение домой воспрещается.

Все адаты почти едины в этих указаниях и в том, что убийца и соответственно его семья должны уплатить денежный штраф в том случае, если отъезд несколько будет просрочен, и что отмщение должно состояться незамедлительно, если, пренебрегая запретом, убийца появится в своем селе.

Так поступают в том случае, если убийца известен. Ну, а как быть, если он неизвестен? Или если при драке в качестве убийцы заподозрен один или несколько человек, но никто из них не сознается в преступлении? И еще один попутный вопрос: как быть в том случае, если тяжелораненный незадолго до своей смерти называет своего убийцу? Вообще именно такое показание, которое у нас, европейцев, вызвало бы сильное сомнение, считается неоспоримой истиной; нам известны лишь некоторые случаи, когда положения адата близки нашим положениям; например в Кюринском округе такие показания, не подкрепленные свидетелем, действительными не считаются, и это мотивируется тем, что умирающий мог ошибиться или не был в состоянии назвать имя правильно; поэтому от обвиняемого требуют клятву очищения».

Таким образом, вопрос состоит в том, чтобы выяснить, как поступают в том случае, если лич-

ность виновного не установлена окончательно. Как раз в таких случаях адаты требуют установить личность ответчика. Итак, эти адаты мы рассмотрим по порядку.

1. Как поступить, если убийца неизвестен? Если есть сомнения на этот счет?

2. Как быть, если ни один из подозреваемых не сознается в преступлении? (эти два пункта нельзя рассматривать отдельно друг от друга).

3. Как принимается показание тяжелораненного?

Адат 1. Даргинский округ. Адаты этого округа, кажется, не имеют указаний относительно неизвестного убийцы, поэтому мы можем познакомиться с таким случаем, когда налицо лишь подозрение. Общий обычай в этом округе таков, что в убийстве можно обвинить лишь одного, даже если мертвому было нанесено несколько ран [8]. Если ран довольно много, то убийцами можно считать двоих. В Цудахарской сельской общине при простом подозрении с обвиняемого требуется клятва очищения [9].

Гунибский округ. Куядинское наибство. Если убийца неизвестен, то наследники (имеющие право на месть) могут подозревать трех лиц, один из них считается убийцей, другие с 50 ближайшими родственниками дают клятву очищения [10]. Если на мертвом не обнаружены следы насильственной смерти, то его наследники не имеют права подозревать кого-либо в убийстве [11]. Напротив, в Тилитл-Хидатлинском наибстве родственники убитого, на котором не обнаружены следы насильственной смерти, могут обвинить в убийстве любого, если они поклянутся в том с 15 (родственниками) соприсяжными; обвиняемому в таком случае можно предоставить клятву очищения с тем же самым количеством соприсяжных. Но в некоторых селениях такого не бывает.

Аварский округ. В Койсубулском наибстве и части Хунзаха родственники убитого, умершего, не назвав того, кто нанес ему раны, могут обвинить в убийстве любого человека; они должны заставить его поклясться с 50 близкими родственниками (причем виновный выбирает их сам). Если они дадут такую клятву, то он считается убийцей; в противном случае он не несет никакой ответственности [12]. Если найден труп без признаков насильственной смерти, то в этом случае поступают так же, как и в Куяда [13]. В Бахлукском наибстве в случае обнаружения трупа с нанесенными ему ранами в убийстве подозреваются два человека. Количество ран не учитывается. С первого подозреваемого берут клятву очищения с 30 родственниками. Если эта клятва произнесена, то 10 родственников другого подозреваемого должны очистить его клятвой; в противном случае, т.е. если первый не освобожден от обвинения, второй считается невиновным [14]. В Цатаныхском наибстве у родственников умирающего от ран в день его смерти спрашивают, кого они подозревают в убийстве. Их мнение принимается во внимание, так как адат считает, что никто не может дать ложные показания в тот день, когда он теряет своего родственника [15]. Если же позже родственники скажут что-либо иное, то это их второе заявление считается недействительным, т.к. адат считает, что на такую перемену могли повлиять третьи лица, или что на это заявление мог оказать влияние убийца, принадлежащий могучему клану [16]. Не принимается никакое обвинение, если на найденном трупе не обнаружены следы насильственной смерти, если таковые существуют, то родственники могут высказывать свои подозрения; подозреваемый должен дать клятву очищения с 50 родственниками, иначе он считается убийцей [17]. В Хунзахском наибстве в случае таинственного убийства, т.е. когда совершенно неизвестен преступник, родственники убитого могут подозревать лишь одного преступника, независимо от количества ран [18]. Подозреваемый должен клятвой с 50 родственниками снять с себя подозрение [19]. Никого нельзя заподозрить в убийстве, если на трупе не обнаружено ран. В селении Башли о заподозренном в убийстве родственника должна заявить община. Подозреваемый должен доказать свою невиновность, поклявшись с 12 родственниками; если этого не происходит, то родственники убитого могут обвинить его с помощью 12 соприсяжных, он становится канлы и должен уплатить так называемый шариат ахча [20]; если он уклоняется от этого, то с ним поступают как с настоящим убийцей [21]. Но этот адат сейчас вышел из обычая.

Кайтаго-Табасаранский округ. Гамрийский макал. Если кто-нибудь убит в спину неизвестным преступником, то родственники убитого приходят в мечеть и с 7 родственниками-соприсяжными клянутся «белыми бородами», что в качестве канлы они избирают Соундзо [22]. Этот адат был упразднен в 1862 г. и заменен тем, что с обвиняемого и 40 его родственников брали клятву очищения [23]. В

северном Табасаране обвиняемый в убийстве должен снять с себя подозрение с помощью 40 соприсяжных; если ему это не удается, то он считается виновным [24]. Так как русские могли не допустить подобного самобытного процесса, то был введен институт присяжных, но в большом количестве – до 60 человек [25].

Адат 2. Если невозможно достичь никакого признания и нет никаких свидетелей, то истец должен заверить свои подозрения с помощью большего или меньшего числа родственников (6 – 40) [26].

Аварский округ. В наибстве Цатанух человек, подозреваемый в убийстве и не сознающийся в этом, должен снять с себя подозрение клятвой вместе с 50 родственниками, которые выбираются стороной, предъявляющей жалобу. Если он не дает требуемой с него клятвы, – а вообще в таких случаях требуется единодушие, – то он считается убийцей [27].

В Самурском округе истец должен предоставить двух свидетелей, клятвенно заверяющих показания, если никто не сознается в вине [28]. Если же у него лишь один свидетель, то его показания, если истец поклянется в свою очередь, говорят о том, что он или подкупает, или преследует собственные корыстные цели [29]. Если же у истца вообще нет свидетелей, то тот, кого он обвиняет, должен дать клятву очищения вместе с 40 родственниками, из которых одна половина выбирается истцом, другая – обвиняемым. Если такую клятву дают все, то с подозреваемого обвинение снимается; в противном случае он считается виновным [30].

У чеченцев (ауховеров) не сознающемуся в своем преступлении подозреваемому тоже предлагается дать клятву очищения вместе с 40 соприсяжными, и другого средства оправдаться (например, с помощью свидетелей) нет [31, с. 132]. Подобное явление наблюдается и у кумыков, но у них число присяжных доходит до двенадцати человек [32].

Адат 3. Даргинский округ. Всеобщим для всего округа является положение о том, что умирающий от нанесенного ранения должен поклясться на Коране, что, мол, тот или другой нанес ему смертельную рану. Если же он умирает, не успев произнести клятву, то в качестве виновных можно считать того, которого покойный лишь назвал перед кончиной. Число преступников не превышает числа нанесенных ранений; те, кого назвал умирающий, считаются действительными убийцами, даже если этому противоречит признание другого [33, с. 85].

Этот общий адат ограничивается и соответственно видоизменяется другими несколькими особыми. В сельской общине Микаг умирающий клятвенно заверяет свои показания с помощью двух спорисяжных [34], в Мугинской с помощью шести [35]. В Сюргинской сельской общине показания умирающего считаются безусловными; иных доказательств не нужно [36]. В Мугинской общине то же самое, что и в Урахдинской сельской общине. Если раненый умирает, не успев произнести клятвы, то истец должен клятвенно заверить показания покойного совместно с шестью родственниками [37]. У Цудахарцев то же самое, что и у Сюргинцев [38].

Кайтаго-Табасаранский округ. В Макал-Гамри считают так: если раненый может назвать своего убийцу, то это является достаточным доказательством признания его вины; при внезапной смерти и отсутствии признающего свою вину у участников драки требуют хотя бы одну винтовочную пулю; жребием при помощи этих пуль устанавливают виновного; остальные от ответственности освобождаются [39]. С тем же самым мы сталкиваемся в Верхнем Кайтаге. Если раненый называет преступника, то здесь уже не помогают никакие уловки, в противном случае убийца устанавливается путем жребия с пулями [40]. Как видим, во всех округах Дагестанской области отношение к рассматриваемым ситуациям было одинаковым. Это в определенной степени связано и с тем, что адаты во второй половине Х1Х в. были кодифицированы – адаптированы к военно-народной системе и опубликованы в редакции Сандрыгайло, который написал общирное предисловие.

Практически во всех случаях адат определял характер наказания, но при этом медиаторами могли выступать представители духовенства, в данном случае кадий.

На кровную месть в Дагестане с 60-х годов XIX в. оказывали влияние два фактора: адат и законы царской администрации, которые «смягчали», «нивелировали» адатное право [41]. В XIX в. по адатам обычай уже допускал материальную компенсацию за убийство и некоторые другие преступления, за которые ранее обязательно полагалась кровная месть.

Штраф выступал в двух формах – дията и алыма. Это следует уточнить, так как в адатах нет упоминания об одновременном взимании дията и алыма. В горных обществах Дагестана взимался только

дият, а в шамхальстве Тарковском и Мехтулинском ханстве – только алым.

Х.-М. Хашаев так определяет содержание понятия «алым»: «Алымом (пенею) называется то, что взимается с убийцы из родственников по отцу и матери в количестве, соразмерном степени их родства». «Дият, – по его мнению, – плата за кровь, возмещение, вносимое убийцей за убитого» [42].

Разницу между алымом и диятом А.В. Комаров видит лишь в том, что первый «взыскивается вскоре по совершении убийства», а второй «уплачивается уже тогда, когда состоится условие о примирении». Здесь же он отмечает, что в некоторых округах «алым не берется, а заменяется диятом» [43]. Адатами, имеющимися в нашем распоряжении, подтверждается, что по содержанию дият и алым ничем не различаются, и по существу это понятия однозначные, указывающие на материальную компенсацию родственникам убитого.

Размер дията и его материальное выражение были неодинаковыми в разных районах. Это, очевидно, объяснялось уровнем развития той или иной части Дагестана и прежде всего занятиями населения хозяйственной деятельностью. В горном Дагестане, где животноводство являлось ведущей отраслью хозяйства, скот почти везде составлял основную часть дията. Так, в Аварском округе почти во всех селениях в состав дията входил бык или 100 овец. Овцы в количестве 150 взыскивались также в Хваршинском обществе Андийского округа. В количестве 300 – в Капучинском наибстве; 230 – в Джурмудском наибстве Бежтинского округа и т.д.

В дият часто включались и предметы ремесленного производства. Жители сел Мич и Ригитль Чохского наибства Гунибского округа, согласно своему адату, в качестве дията должны были отдавать 40 котлов и 1 быка. В Цекобском сельском обществе один медный котел весом 3 ратла входил в дият как его составная часть. В Хюракинском обществе наряду с 1 котлом взимался еще и ковер. Земля представляла большую ценность для народов Дагестана [44]. Она также в некоторых округах входила в натуральное выражение дията. Причем не просто земля, а пашня. В адатах села Голотль Аварского округа читаем: «... наследникам убитого самую лучшую пашню в восемь мер посева» [45].

Наряду с натуральным выражением содержания дията адатами часто предоставлялась возможность замены его деньгами, и наоборот.

В Тиндальском обществе дият составлял «180 рублей или 60 коров (3 рубля корова)»; в Капучинском наибстве – «300 овец или деньгами 300 рублей серебром или другого имущества на 300 рублей»; в Гумбетовском – «... стоимость быка (13 рублей) или бык»; в Даргинской округе – «100 рублей деньгами или на 120 рублей вещей».

В некоторых местностях Дагестана дият взимался только деньгами. К ним относятся: Казикумухский округ (250 р.); Табасаранский округ (600 р.); Чамалальское общество (180 р.); Дидойское наибство (60 р.); Анцухское общество (250 р.); сел. Корода, Гонода, Куяда, Голотль Куядинского наибства (100 р.); сел. Араканы, Кодух, Ирганай Араканского наибства (40 р.); сел. Гимры, Игали, Ахкенг, Кахаб-Росо, Ашильта Унцукульского наибства (20 р.); сел. Ругуджа Чохского наибства (100 р.) и др.

Из приведенных примеров видно, насколько разнообразно было в Дагестане содержание дията как в количественном, так и в качественном отношении. Человек, совершивший преступление, влекущее за собой кровную месть, кроме алыма или дията, обязан был внести и определенный штраф в пользу всего общества, джамаата или начальствующих лиц. Сразу же по совершении преступления он, как уже отмечалось, должен был покинуть свое село, уйти в изгнание, в канлы. Изгнанием в канлы общество как бы снимало с себя ответственность за преступление односельчанина, отводило от себя мщение. В канлы уходил обычно сам преступник. В изгнании он лишался поддержки тухума, иногда с убийцей отправлялись в изгнание и его ближайшие родственники.

Изгнание в канлы было обязательным элементом наказания за преступления, влекущие за собой кровную месть, у всех народов Дагестана. Лишь в отдельных селениях убийца не изгонялся. Вот что в связи с этим сообщает А.В. Комаров: «В некоторых частях Андийского и Кайтаго-Табасаранского округов убийце предоставляется на усмотрение бежать или оставаться дома и выжидать последствия сделанного преступления. В последнем случае … он не может ни выйти из дома, ни выглянуть в окно без опасения быть убитым жаждущими его крови» [46]. Некоторые убийцы проводили в таком положении десятки лет.

В адатах нигде не указывается место и срок изгнания в канлы. Относительно места его пребывания чаще всего указывалось: «изгоняется в отда-

ленный округ». Изгнанник иногда сам определял место, где ему можно было в безопасности дожидаться времени примирения и прощения со стороны родственников убитого. В других случаях место изгнания определялось конкретно в каждом отдельном случае. Проживание же преступника у того или иного лица в назначенном для жительства селении предоставлялось на его собственное усмотрение.

Срок изгнания в адатах также назван не совсем определенно: «до примерения», «до прощения». Он зависел в основном от родственников убитого, от социального положения убийцы, от влияния тухума убитого и т.д. В отдельных местах он, по Комарову, определен следующим образом: у кумыков – 2 года, в Тлейсерухе и сел. Арчи – 3 года, в Антльратле, Анцухе, Капуче и Дидо – один год. В монографии «Кумыки» С.Ш. Гаджиева пишет, что «по обычаю «канлы» убийца должен был тайком покинуть селение на определенный срок (3– 5, а иногда и 8 – 10 лет)» [47]. Бывали случаи, когда джамаат отменял определенный адатом срок изгнания в канлы и возвращал кровников в село досрочно.

Все эти меры – взимание алыма и дията в пользу родственников убитого, штрафа – в пользу сельского общества или начальствующих лиц, изгнание убийцы в канлы – предпринимались для того, чтобы помирить враждующие стороны. Адат требовал совершения через определенное время обряда примирения. Примирение обставлялось очень торжественно. Свидетелями его обычно становились все односельчане. Суть обряда примирения в Дагестане была одна и та же, а формы его развились свои не только у каждого из народов, но и даже в отдельных селах.

Например, у кюринцев он состоял в следующем: когда родственники убитого полностью получали дият и давали согласие на примирение, на убийцу надевали саван и опоясывали его шашкой. В таком наряде и в сопровождении стариков, почетных людей он шел в дом ближайшего родственника убитого. Находящаяся при нем шашка символизировала оружие для отомщения за кровь убитого им, а саван предназначался для погребения. Не доходя до ворот дома, процессия останавливалась. Встречать ее выходил выбранный из числа родственников убитого: он снимал с канлы шашку, саван, папаху и гладил его по голове. Мулла читал молитвы. На этом обряд заканчивался, вражда считалась совершенно оконченной. Обряды примирения завершались обильным угощением.

Обряд примирения у кумыков состоял из двух частей. Вначале совершался обряд «бет гермен» (лицезрение), согласно которому враждующие тухумы выходили на площадь. Тухум убийцы должен был под охраной стоять на определенном расстоянии от родни убитого, их разделяли собравшиеся от всего селения почетные люди во главе с кадием. Обряд примирения заканчивался чтением кадием молитвы из первой главы Корана. Это было лишь началом прекращения вражды между тухумами, оно означало прекращение «погони за врагом». По истечении срока изгнания убийцы и с возвращением его домой организовывалось окончательное примирение, которое подробно описала С. Ш. Гаджиева.

Помирившиеся кровники становились очень близкими людьми, их отношения часто были более близкими, чем кровнородственные. У кумыков представители помирившихся тухумов называли друг друга «къан кьардашлар» (кровные братья).

Успешность примирения, как правило, зависела от волеизъявления убийцы, связей родства или покровительства какого-либо влиятельного лица. Человеку бедному, не имевшему большого родства, которое могло бы ему помочь, трудно было выхлопотать прощение от богатых и сильных родственников убитого.

Убийца же, богатый и сильный родством и покровительством важного лица, иногда отказывался примириться с бедными родственниками убитого им человека.

Адаты закрепляли за феодальной верхушкой ряд преимуществ и привилегий в делах о кровной мести.

Так, по адатам Урахинского общества за убийство кадия назначалось 7 баш-канлы, тогда как за убийство других членов джамаата – всего 3 мал-канлы.

С убийц кадия взыскивалось 7 алымов и штраф 8 быков, 7 домов, канлы или их родственники разорялись до основания.

За убийство старшины взыскивали алым в двойном размере.

Царское правительство в начальный период присоединения Дагестана к России старалось перенести в него в неизменном виде законы, господствовавшие в империи. Однако первые же шаги на этом пути встретили сопротивление местного населения.

Дела, связанные с кровомщением, как отмечалось выше, регламентировались адатом. Предусмотренная им возможность примирения кровников прежде всего и использовалась представителями русской администрации.

С этой целью в начале 1865 г. были собраны подробные сведения по всем округам о кровниках, и началось их примирение.

К концу 1865 г. в Кайтаго-Табасаранском округе из 302 случаев кровной вражды было окончено примирением 264, в Даргинском из 311 примирено 270, в Мехтулинском ханстве из 13 – 8.

В результате такой политики в отношении враждующих семейств, по сведениям Л. В. Комарова, в Дагестане к концу 1865 г. «считалось канлы и семейств, имеющих к ним кровную вражду – 288» [48].

Об успешности примирения кровников в Кайтаго-Табасаранском округе сообщалось еще раньше в отчете начальника Дагестанской области за 1861 г.: «…частные начальники весьма много способствовали примирению враждующих сторон по обычаю края, и те, если не совершенно прекратили случаи подобных убийств, то сделали их в 1861 году весьма редким явлением сравнительно с прежним временем» [49].

Царское правительство явно преувеличивало свою роль в борьбе с кровной местью, тенденциозно искажая действительность. Так, некто Г. М. Туманов, оценивая успех русских властей в деле примирения многих горских родов, враждовавших между собой искони, пишет: «Известно, что в 1865 г. в Дагестанской области из 626 случаев, подобная (кровная. – М.И.) вражда окончена примерением в 542 случаях». Эти данные, по-видимому, взяты из исследования А.В.Комарова, который приводит сведения лишь по трем административным единицам – Кайтаго-Табасаранскому и Даргинскому округам, Мехтулинскому ханству, что составляло приблизительно лишь 1/4 часть всей территории Дагестанской области, притом плоскостной и предгорной. Сюда, по существу, не входит горный Дагестан, где кровная месть имела широкое распространение. Следовательно, данные официальной статистики дают лишь частичное представление о такой мере борьбы с кровной местью, как примирение враждующих семей.

Примирение в масштабах округов и всей области проводилось по давним убийствам, совершенным по старинным поводам. Между тем новые преступления, вызывающие кровную месть, происходили постоянно. Поэтому представители царской администрации, кроме примирения кровников, должны были прибегать и к другим мерам ограничения кровной мести, а именно – к наказаниям виновного (что не удавалось на практике). Личные наказания были двух видов: по адату и по административному усмотрению.

«Адатные наказания:

штраф и высылка в канлы, т.е. в другой округ в пределах Дагестанской области.

Наказания, налагаемые в административном порядке:

1) тюремное заключение,

2) высылка из Дагестанской области».

Суть адатных наказаний уже рассматривалась выше. Здесь следует отметить, что после появления в Дагестане царской администрации на них был наложен определенный отпечаток. В этом отношении интересно следующее пояснение современника: «Дела по убийствам и покушениям, хотя и разбираются в народных судах по обычаю, но последние выясняют только вопрос, кто виновен и в какой мере обстоятельства смягчают или увеличивают преступления, что же касается до наказаний, то они налагаются, применяясь к «Уложению о на¬казаниях уголовных и исправительных».

Адатные наказания рядом предписаний начальника Дагестан¬ской области были заменены административными

С организацией в Дагестане военно-народного управления, по мнению Д.П. Геворкяна, были разработаны меры по ограничению и послаблению обычая кровной мести [50]. Кровнику строго запрещалось появляться в селении, где жили родственники убитого. Виновные в умышлен¬ном, преднамеренном убийстве, совершенном на почве межличностных конфликтов или с корыстной целью, подлежа¬ли наказанию по военному суду либо административной ссылке на определенный срок в отдаленные губернии России. Высылка убийцы из пределов Дагестана представлялась гор¬цам изгнанием в канлы, поэтому они смотрели на решения администрации по убийствам «как на нечто незаконченное и временное, скорее как на отсрочку, нежели наказание» [51]. Лишь в результате многих лет судебной практики ссылка за убийство приняла

в глазах горцев характер наказания, вслед¬ствие чего резко сократилось число актов кровной мести.

Таким образом, институт кровной мести в весьма полном своем объеме сохранился в Дагестане вплоть до конца XIX в., и только путем длительной эволюции системы права, замены обвинительного процесса следственным, публичных процедур на судебной сходке формальными (письменными), частных средств преследования преступников юридико-публичными, а также под влиянием российского права кровная месть была существенно вытеснена из быта горцев судопроизводством Дагестанской области, затем и ДАССР. Однако и в наши дни эта проблема привлекает внимание, и более того есть необходимость детального изучения и включения механизма маслит в процесс адаптации отношений между кровниками и конфликтными сторонами после освобождения из мест заключения.

Литература

1. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890.
2. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. I. Одесса, 1882. С. 23, 42 – 48. В период полевой эвристики автор побывал во всех селах и отселках бывшего Бежидского (правильно – Бежтинского) округа и не смог найти подтверждения существования списка адатов данного округа. Аналогичная работа в архиве Одесского национального университета тоже не дала результатов. Видимо, этот сборник утерян. В архиве Ф.И. Леонтовича есть указанный «Перевод» адатов Бежидского округа.
3. Хашаев Х.О. Кодекс Умма – хана Аварского (Справедливого). М., 1948.
4. Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста). ССКГ. 1873. вып. 7.
5. Словом «канлы» часто называли кровную месть вообще.
6. Поэтому вопрос, задаваемый дагестанцем, вероятно, следует понимать так: Кого мне считать виновным, чтобы кровная месть не имела того слепого характера, благодаря которому она может пасть как на виновного, так и невиновного. Чтобы весь процесс кровной мести ограничился одним лицом (или двумя)?
7. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 85, § 100.
8. Там же, С. 242. § 29.
9. Там же. С. 301. § 7.
10. Там же. С. 303. § 16.
11. Там же. С. 438. § 15.
12. Там же. § 17.
13. Там же. С. 454. § 11 – 12.
14. Там же. С. 469 – 470. § 5.
15. Там же, § 7.
16. Там же. С. 472. § 22 – 23.
17. Раны чаще всего наносятся большим кавказским кинжалом, и кодекс, собственно говоря, требует, чтобы был лишь один удар. Поэтому, вероятно, в некоторых местах принимается во внимание количество ран.
18. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 492 – 493. § 7.
19. Дословно: деньги по шариату.
20. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 596. § 6.
21. Там же. С. 586 – 587. § 3.
22. Там же. Примечание.
23. Там же, С. 545. § 8.
24. Там же. С. 132 – 133. § 31.
25. Там же. С. 176, § 23; С.197, § 21; С. 157, § 25; С. 84 § 93.
26. Там же. С. 472. § 17.
27. Там же. С. 527. § 2.
28. Там же. С. 527 – 528. § 3.
29. Там же. С. 528. § 5.
30. Леонтович Ф.И. О. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. 2. С. 132, § 30.
31. Там же. С. 216. § 76.
32. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 85, § 95 – 98.
33. Там же. С. 135. § 31.
34. Там же. С. 157, § 27.
35. Там же. С. 176. § 25.
36. Там же. С.197. § 123 – 124.
37. Там же. С. 242. § 28.
38. Там же. С. 587. § 4.
39. В тексте сказано: « Они выбирают ее (т.е. одну из нескольких пуль) по своему желанию. Берут как раз одну из тех пуль, по внешнему виду которых нельзя определить, кому они принадлежат, поэтому мы и употребили выражение «жребием».
40. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 562 – 563. § 7 и 9.
41. Данилевский П. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 149.
42. Хашаев Х.-М. Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. М., 1965. С. 15.
43. Комаров А.В. Указ. соч. С. 34, 38, 42.

44. Айтберов Т.М. Запись о разделе земель между повелителями Хунзаха и Казикумуха (XV – XVII вв.) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 131 – 133.

45. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана. Махачкала, 1998. С. 23.

46. Комаров А.В. Указ. соч. С. 23.

47. Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.128.

48. Комаров А.В. Указ. соч. С. 38.

49. Там же. С. 42.

50. Геворкьян Д. И. Создание и деятельность российской администрации в Дагестане (1860 – 1917): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

51. О последствиях убийств и поранений между горцами Восточного Кавказа // ССКГ. Вып. VII. С. 9.

УДК 340.15

Пирова Р.Н.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИО-НОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX ВЕКЕ

В статье представлен авторский взгляд на проблему развития обычного права народов Дагестана в контексте влияния шариата. При этом обращено внимание на то, что в период имамата были введены низами, где в качестве основы выступает шариат, но некоторые аккумулировали адат.

In the article an authorial look is presented to the problem of development of ordinary right for the people of Daghestan in the context of influence of шариата. Thus paid attention to that in the period of were entered by bottoms which accumulated адат where шариат comes forward as basis.

Ключевые слова: *право, закон, обычное право, низами, Дагестан, Российская империя, ислам.*

Keywords: *right, law, ordinary right, by bottoms, Daghestan, Russian empire, Islam.*

В последнее время проблемы формирования и развития социо-нормативной культуры народов Северного Кавказа привлекают внимание в свете реформ, проводимых в РФ. Один из интересных периодов для исследования, к примеру, в истории Дагестана и Чечни – это Имамат Шамиля [1]. О сущности и природе этого государства в исторической литературе существуют противоречивые мнения. Нас в данном случае интересует особенности развития социо-нормативной культуры в этот период, чему и посвящена данная статья.

Первые шаги Шамиля по формированию государственно-правовых институтов знаменуется ликвидацией ханств и их порядков. «… Шамиль … собрал уцелевших беков в одно место возле аула Орода и как ссыльных заставил там жить специальным поселением» [2], считая их людьми подозрительными. Создание имамата было обусловлено потребностями вооруженной борьбы с царизмом и феодальной знатью. Как известно, имамат оформляется в период наибольших успехов движения (1840 – 1850 гг.), получивший название блистательной эпохи Шамиля. «Объединение горцев в единую государственную систему, в имамат, – писал А. Д. Даниялов, – в тех исторических условиях, несомненно, было прогрессивным шагом. С созданием имамата деятельность органов управления впервые в истории Дагестана стала регулироваться законода-тельством, учитывавшим своеобразие местных условий» [3, с. 2].

Следовательно, Шамиль начал последовательно проводить ликвидацию феодальных привилегий, выполняя основное требование горцев Дагестана [2, с. 33 – 38]. Зависимые крестьяне получили свободу, подати и повинности были ликвидированы. Так, по сведениям Х.Х. и А.Х. Рамазановых, от «… податей и повинностей было освобождено примерно 220 аулов с населением 130000 человек» [4, с. 22].

В административно-территориальном отношении Имамат был разделен на мудирства и наибства. Часть территории не входила в состав Имамата. Наибами в разное время являлись более 150 человек, представлявших разные национальности и